

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ТЕКСТЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ЖИТИЯ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

Даря АВДЕЕВА (Москва–Севастопол)

В работах, посвященных сопоставительному изучению нескольких славянских переводов одного и того же греческого текста, часто приводятся новые данные, которые подтверждают наличие различных переводческих школ в период с IX по XIV век. Разнообразные языковые факты дают основание с уверенностью говорить о существовании двух школ — Охридской и Пеславской — в самый ранний период развития церковнославянского языка и третьей книжной школы — Търновской — в XIV веке.

Каждая из школ характеризуется, прежде всего, своими нормами и, следовательно, техникой перевода. Как отмечает Д. Иванова-Мирчева, „главнейшим признаком староболгарских переводческих школ является их отношение к греческому оригиналу“¹. Самая ранняя Охридская книжная школа реализует принцип свободного перевода или перевода по смыслу, а две другие школы, Преславская и Търновская, предпочитают перевод формальный, буквально следующий греческому оригиналу. При этом, как известно, максимальная степень буквализма достигается в Търновской переводческой школе.

Не останавливаясь на рассмотрении причин, порождающих определенный переводческий подход в различных книжных центрах, обратимся к вопросу о некоторых принципах перевода в Търновской книжной школе. Создатель и руководитель школы Евфимий Търновский и его ученики провели реформу и закрепили новые нормы литературного языка и правописания. В процессе кодификации Евфимий, с одной стороны, ориентировался на устойчивые нормы церковнославянского языка с древнейших времен его существования. С другой стороны, установленная Евфимием норма подвергается сильному влиянию греческого языка, что обусловлено культурными и идеологическими причинами. К ним относятся, прежде всего, распространение исихастского учения, установление

тесных литературных связей с Византией, появление новых редакций богослужебных книг, а также новых переводов четвьей монашеской литературы².

Влияние греческого языка становится особенно очевидным при анализе синтаксических явлений в славянских произведениях XIII—XIV вв. В настоящее время существует широкий спектр научной литературы, посвященный этой проблематике³. Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать в кругу традиционно рассматриваемых синтаксических явлений, особенности, встречающиеся в тексте южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого.

Житие Андрея Юродивого (далее — ЖАЮ) представляет собой перевод византийского агиографического произведения. Написано оно было, по всей вероятности, в X в. константинопольским пресвитером Никифором. Не позднее нач. XII в. в Древней Руси появился первый перевод Жития на церковнославянский язык⁴. Этот перевод отличается достаточной свободой в использовании славянских средств при переводе греческого оригинала. Не позднее XIV века у южных славян был выполнен еще один перевод Жития, в котором реализуется принципиально новый подход, а именно последовательное копирование греческого оригинала.

Сопоставительное рассмотрение синтаксических особенностей двух переводов в их отношении к греческому оригиналу позволяет более ярко охарактеризовать принципы переводческой техники, реализуемые в разных славянских школах в разное время. Для изучения и сравнения двух переводов используется список южнославянского перевода ф. 728, Соф. 1286, XVI в.⁵, хранящийся в Российской национальной библиотеке (далее Соф. 1286), и древнерусский список ф. 381 № 182, XIV в., хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (Библиотека Московской Синодальной типографии) и изданный А. М. Молдованом⁶ (далее Т182). Для анализа греческого текста привлечен список, изданный К. Яннингом в 1688 г. и переизданный в 1976 г.⁷, а также в некоторых случаях используется греческий список Баварской государственной библиотеки Мюнхена, ф. 552, изданный в книге А. М. Молдована⁸.

Одним из самых ярких отличий греческой синтаксической структуры от славянской является наличие в греческом определенно артикля. Уже в первых евангельских текстах славянские переводчики, стремясь максимально сохранить особенности греческого синтаксиса, переводили греческий определенный артикль относительным местоимением *иже* (*еже*, *иже*), для которого так же, как и для греческого артикля, характерно уточняющее значение, значение определенности.

Относительное местоимение *иже* может употребляться для введения определительного придаточного предложения, а может использоваться

в сочетаниях с существительными, причастиями и инфинитивом, передавая соответствующие греческие именные сочетания и субстантивированный инфинитив.

Большинство исследователей (Й. Курц, А. Минчева, П. Д. Карамфилова) придерживаются точки зрения, согласно которой конструкции с *ижѣ* принадлежат явлениям книжного языка; с древнейшего периода развития церковнославянского языка они использовались для того, чтобы выделить или подчеркнуть какой-либо член предложения или целое предложение⁹.

Среди синтаксических сочетаний с *ижѣ* можно выделить следующие конструкции: 1) *ижѣ* с причастием; 2) *ижѣ* с именной группой; 3) *ижѣ* с инфинитивом.

I. *ижѣ* с причастием

· он же таковаа слышавъ не сразумѣ *ижѣ* ѿ правейного реченыхъ (Соф. 1286, л. 51)

Ὁ δὲ ταῦτα ἀκούσας, οὐ συνῆκε τὰ παρὰ τοῦ δικαίου ῥηθέντα (греч. 745)

В древнерусском переводе используется изъяснительное придаточное предложение, вводимое союзным словом *что*: он же се слышавъ. не разумѣ. что се глѣть стѣи. (Т182, с. 285)

и тако и по смрти живоу¹⁰ *ижѣ* бѣга любации (Соф. 1286, 51 об.)

ср. καὶ μετὰ θάνατον ζῶσι καὶ εὐφραίνονται οἱ ἀγαπῶντες τὸν Θεόν (греч. 748 стлб.)

В древнерусском переводе использовано одиночное причастие: и весели вѣдуть любации гá. (Т182, с. 287)

II. *ижѣ* с именной группой

· тако¹¹ завывъ *ижѣ* по вѣѣ дѣланиѣ (Соф. 1286, 41 об.)

ὡσπερ ἐπιλαθόμενος τῆς κατὰ Θεὸν ἐργασίας (греч. 725 стлб.)

В древнерусском переводе в соответствующих контекстах используются одиночные существительные без специальных средств для передачи греческого артикля.

да тако завывъ по воѣѣ таинаго дѣла (Т182, с. 263)

Иногда относительное местоимение не согласуется с главным словом по роду и числу. Например:

· си вса да вѣхочу имѣти *ижѣ* мое по вѣѣ попечениѣ (Соф. 1286, 38 л.)

Таῦτα πάντα οἰχέσθωσαν τῆς ἐμῆς σὺν Θεῷ ἐπιμελείας (греч. 716 стлб.)

се все погибло есть оуже моимъ за вѣѣ прилежаниемъ. (Т182, с. 254)

· потомъ прѣбныи оувѣдѣв *ижѣ* стѣрѣшениа ихъ (Соф. 1286, 38 об.)

Ὁ δὲ Ὅσιος ἐπιγνοὺς τὰ αὐτῶν πλημμελήματα (греч. 717 стлб.)

стѣць же часто нача взирати на н. разумѣвъ прегрѣшениа ихъ. (Т182, с. 255).

В случае отсутствия согласования наблюдается тенденция к употреблению обобщенной формы *ижє*.

III. *ижє* с инфинитивом

В силу своей отличительной способности к субстантивации, греческий инфинитив обладает рядом функций, которые славянский инфинитив выполнить не может. Поэтому славянские книжники прибегают к использованию различных языковых средств для передачи греческого субстантивированного инфинитива и соответствующих ему значений.

I. *тоŭ* + *inf.*

Наиболее часто в тексте Жития Андрея Юродивого встречается греческая инфинитивная конструкция *тоŭ* + *inf.*, которая используется для выражения значения цели. На славянский эта конструкция может переводиться простым инфинитивом, придаточным предложением цели с союзом *да* (*да* + *praesens*), супином. Однако чтобы буквально передать особенности греческого инфинитива, перед славянским инфинитивом употребляется относительное местоимение *ижє* в соответствии с греческим определенным артиклем. Именно эта славянская конструкция последовательно используется в южнославянском переводе Жития. При этом в древнейшем переводе сочетанию *ижє* + *inf.* могут соответствовать различные средства выражения.

А. В древнерусском переводе используется конструкция *да* + *praes.*: *и се приближаеши сѧ къ радоуѣщюмоу адоу ижє поглоти ти тѧ* (Соф. 1286, 52 — 52 об.)

καὶ ἰδοὺ ἐγγίξει πρὸς τὸν χαίνοντα ἄδην τοῦ καταλιεῖν σε (греч. 748 стлб.)

ср. *да се сѧ иси приближилъ оуже къ зигающиму аду. да хощеть тѧ пожрети се все твораща по все дни.* (Т182, с. 288)

В. В древнерусском переводе употреблена конструкция сослагательного наклонения *да* *вѣ* + *л*-форма:

вложивъ юноши мѣсль ѡстѣпноу ижє изъйти из црѣви варениѣ ради (Соф. 1286, 26 л.)

ἐνεσκηψε τῷ νέῳ λογισμοῖς ἀποστασίας, профάσει τῆς τοῦ ἐψήματος ἐπιμελείας, τοῦ ἐξῶσαι αὐτὸν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας πρὸ τῆς ἀπολύσεως (греч. 689 стлб.)

проклѧтъи дѣмонъ вложи въ шрокъ мѣсли ѡстѣплениа. виною аврениа дѣла. да вы его ѡвѣлъ ѡ црѣви преже ѡпшчениа. (Т182, с. 226)

τοῦ ἐξεῶσαι τῆς ἐκκλησίας (Мон. gr. 552., стр. 490, строка 1368)

С. В древнерусском переводе конструкция $\text{to}\ddot{u}$ + inf. передается одиночным инфинитивом:

жеааетъ въ лоукавыи осквернити срѣе твоє и раба нечистотѣ сътворити тѣ спѣши" и ходи" еже осудити тѣ въ геенѣ огненѣи (Соф. 1286, 25—25 об.)

греч. ἐπιθυμεῖ γὰρ ὁ παμπόνηρος μολῶναι τὴν καρδίαν σου, καὶ δοῦλον τῆς ἀκαθαρδίας ἀπεργάσασθαι, τῇ φοβερᾷ γεένῃ τοῦ πυρὸς καταδικάσαι σπεύδων (греч. 689 стлб.)

жаждитъ во лѣкавыи осквернити срѣе твоє и створити тѣ хощеть раба нечѣотѣ и страшному рожению огневъ одѣти тѣшитъса (Т182, с. 224)

II. εἰς τὸ + inf. + Acc.

Греческая инфинитивная конструкция $\text{e}\ddot{\iota}\text{s}$ τὸ + inf. + Acc., выражающая также значение цели, как правило, передается следующими славянскими средствами: придаточным предложением с союзом да (да + praesens), отглагольным существительным и буквальной конструкцией въ юже + inf. + Dat. Южнославянский переводчик во всех случаях использует последнюю конструкцию, точно соответствующую греческой:

1. и праведныи оубв въ еже роугати житію семоу светномуу и діаволу идѣше (Соф. 1286, 25 об.)

καὶ ὁ μὲν δίκαιος εἰς τὸ ἐμπαίξειν τὸν κοσμον τὸν μάταιον καὶ τὸν διάβολον ᾤχετο (греч. 689 стлб.)

отидоста да праведникъ понде да сѣ похритѣ" лихомъ семъ свѣтъ дѣаволъ (Т182, с. 225)

В древнерусском переводе употреблено придаточное предложение с союзом да.

2. есть* и хищникъ въ еже водити подвижающасѣ (Соф. 1286, 25 л.)

ἔστιν δὲ δραξῆς, εἰς τὸ πολεμεῖν τοὺς ἀγωνιζομένους πρὸς θεὸν (греч. 688 стлб.)

есть же дерзъ вратисѣ с подвижающимися и водити на влздь дѣша ихъ и на похѣти нечѣты (Т182, с. 223 стр.)

В древнерусском переводе использован одиночный инфинитив.

III. διὰ τὸ + inf.

Греческий субстантивированный инфинитив с предлогом διὰ (διὰ τὸ + inf.) используется для выражения причинного значения. Такой инфинитив на славянский язык может переводиться придаточным предложением причины с союзами зане, занеже, понеже и др. Если греческий субстантивированный инфинитив имеет при себе дополнение в Acc., то он может переводиться отглагольным существительным с предлогом за. Стремлением к точному соответствию с греческим вызвано употребление конструкции за еже (занеже) + inf. в новых славянских переводах. Именно

эту конструкцию последовательно находим в южнославянском переводе Жития Андрея Юродивого. В древнерусском переводе чаще всего ей соответствует придаточное предложение с союзом *занеже* (зане):

1. прогнѣвается оубо на нѣ гѣ холѣи ихъ ра^а" и зане^е вѣти плѡ^а ихъ жлъчь содомлянъ и горчиноу гоморанъ сего ра^а" възвѣгнеть црѣ греческаго на нихъ и потреби^и ихъ (Соф. 1286, 100 л.)

ὀργισθήσεται γὰρ ὁ Κύριος διὰ τὴν βλασφημίαν αὐτῶν, καὶ διὰ τὸ εἶναι τὸν καρπὸν αὐτῶν χολὴν Σοδόμων, καὶ πικρίας Γομόρρων καὶ διὰ τοῦτο νύξας ἐγερεῖ τὸν βασιλέα Ῥωμαίων ἐπ' αὐτοῦς (греч. 856 стлб.)

разгнѣвается во сѣ на нѣ гѣ холѣи ихъ дѣла и занеже естъ плѡдъ ихъ ѿ гнѣва содомьска и горести гоморьскы (Т182, с. 404—405)

2. В одном случае в древнерусском переводе для перевода субстантивированного инфинитива используется придаточное предложение с союзом *также*. Инфинитивную конструкцию находим в греческом списке Mon. gr. 552, изданном А.М. Молдованом.

разогнѣ^и оубо сѣ забывъ за еже напрасно въскликнети сѣ гла^и мгысленныи и оужасенъ (Соф. 1286, 19 л.)

разгнѣ^и во сѣ видивъ также авиѣ возваша пѣ^и дивны (Т182, с. 210)

Ἐγγων γὰρ στοχαζόμενος τοῦτο διὰ τὸ πορευθεῖς κεκραγῆναι αὐτὰ μέλος νοερόν καὶ ἐξάισιον (Mon. gr. 552., стр.480, строка 1038)

IV. ἐν τῷ + inf. + Acc.

Греческая инфинитивная конструкция ἐν τῷ + inf. + Acc. на славянский язык могла переводиться придаточным предложением с союзами *егда*, *вѣнегда*, *яко* (реже), дательным самостоятельным, отглагольным существительным, а также конструкцией *вѣнегда* + inf. + Dat., которая в основном характерна для новых буквальных переводов. В южнославянском переводе Жития употреблена именно эта конструкция для передачи соответствующей греческой, а в древнерусском переводе ей соответствует дательный самостоятельный:

внегда же възвратитисѣ емоу срѣте добраго юношѣ епифаніа (Соф. 1286, 22 — 22 об.)

ἐν δὲ τῷ ὑποστρέφειν αὐτὸν μετρίοις παιγνίοις χρώμενος, συναντᾷ τῷ καλλίστῳ νεανίᾳ ἐκείνῳ τῷ Ἐπιφανίῳ (греч. 681 стлб.)

възвращающю же сѣ емѣ играше глгмѣсѣ оусрѣте добраго отрока епифаніа (Т182, с. 218)

Эта же греческая конструкция, но с отрицанием (ἐν τῷ μὴ + inf.) передается в южнославянском переводе конструкцией *зане^е не +*

inf., в древнерусском переводе — придаточным предложение с союзом да:

и въ беспечали землиныи^и прилежаще занѣ^и не быти брани слава^и меча
своа на срѣповгы (Соф. 1286, 100 л.)

καὶ ἀμερίμνως τοῖς γῆϊνος ἐπανακείμενοι, καὶ ἐν τῷ μὴ εἶναι
πόλεμον συγκόψασι τὰς σπάθας αὐτῶς εἰς δρέπαντα (греч. 853
стлб.)

и бес печали ходяще по земли. да неже брани не буть съсѣдуть меча
своа и стрѣлы и копиа на косы и на сѣрпы и на желѣза ралнаа. ииъже
землю дѣлати (Т182, с. 404)

ἐν τῷ μὴ εἶναι πόλεμον (Mon. gr. 552., стр. 599, строка 5137)

Видимо, с помощью одного средства выражения в греческом тексте передаются разные смысловые значения: в первом случае выражаются временные отношения, а именно отношения одновременности, во втором — значение причины ('и будут без печали, потому что не будет войн').

V. ἀπὸ τοῦ + inf. + Acc.

Другая греческая конструкция ἀπὸ τοῦ + inf. + Acc. встречается в тексте Жития только два раза и передается в южнославянском переводе двумя разными способами. В первом случае на месте данной греческой конструкции используется славянская по внигда + inf. + Dat. в новом переводе и одиночное действительное причастие прошедшего времени в древнем переводе:

каково* тоа видѣнїе по внигда изгыти еи ѿ тѣлесе (Соф. 1286, 77л.)

ποταπὴ δὲ ἢ ταύτις θεωρία ἀπὸ τοῦ ἐξελεθεῖν αὐτὴν ἀπὸ τοῦ
σώματος (греч. 801 стлб.)

но копрашаю что есть дшевное сзшеє. како есть видинье еа. како же
видина есть едина ѿшедши еи ѿ тѣла (Т182, с. 349)

Во втором случае данная греческая конструкция передается конструкцией еже + inf. в южнославянском переводе и конструкцией да вы + л-форма в древнерусском переводе:

не хотѣ оубо и не колею съблюдаше оуста своа еже не возвѣстити никомоу^и
праведнаго житїе (Соф. 1286, 37 л.)

ἄκων γὰρ καὶ μὴ βουλόμενος διетήρει τὸ στόμα αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ
ἀναγγέλλειν τινὶ τὰ τοῦ δικαίου τεράστια (греч. 713 стлб.);

самъ и не хотѣ. блюдаше оуста своа. да бы не повѣдалъ никомоу^и
(Т182, с. 251)

ἀπὸ τοῦ ἀναγγελεῖν (Mon. gr. 552, стр. 507, строка 1928)

Разница между рассматриваемыми примерами в славянских переводах, прежде всего в южнославянском, также, вероятно, заключается в

передаче различных смысловых значений: в первом примере передается значение следования ('какой вид она (душа) имеет, когда вышла из тела'), во втором — значение цели ('не желаю хранить уста свои для того, чтобы никому не рассказать жизнь Праведного'). Учитывая, что для предлога ἀπὸ значение цели не характерно, можно предположить, что в оригинале, с которым работал переводчик, стояло τοῦ ἀναγγέλλειν.

VI. πρὸς τὸ + inf.

Данная конструкция используется для выражения цели и на славянский язык может переводиться несколькими способами. В южнославянском переводе ЖАЮ используется конструкция къ еже + inf.:

иѡ вѣрѣвѣти на женѣ къ еже похотѣти еи оуже прелюбѣ стѣвори с нею в срѣци своємѣ (Соф. 1286, 60 л.)

ὁ ἐμβλέψας γὰρ γυναικὶ πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι ἤδη ἐμοίχευσεν αὐτὴν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ (греч. 765 стлб.)

вѣрѣвѣти во рѣ " на женѣ якоже вѣсхотѣти еи и оуже прилюбы юсть створилъ с нею на срѣци своємѣ (Т182, с. 306 стр.)

πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι (Моп. гр. 552., стр. 540, строка 3098)

Особенностью употребления данной конструкции является то, что она используется в цитате из евангельского текста.

В Чудовском Новом Завете конструкция πρὸς τὸ + inf. в том же евангельском контексте переводится другим способом, а именно существительным с предлогом: вса " зрѣи жены [к] желанію ѿ (греч.: πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι) (Чуд. Мф. 5:28).

VII. τὸ (μὴ) + inf.

В греческом тексте Жития Андрея Юродивого встречается инфинитивная конструкция с определенным артиклем τὸ (иногда в сочетании с отрицательной частицей) τὸ (μὴ) + inf., которая в южнославянском переводе последовательно передается конструкцией еже (не) + inf. При этом в древнерусском переводе для передачи данной греческой конструкции может использоваться придаточное предложение с союзом да и та же инфинитивная конструкция еже (не) + inf. С помощью данной конструкции выражается значение цели:

В древнерусском переводе ЖАЮ встречается два случая с использованием инфинитивных конструкций:

1. сицево кѡ ѣ мнѣхоу стѣврѣшенное вѣрѣцаніе еже никое в житіи всма ниѣкти (Соф. 1286, 56 л.)

τοῦτο γὰρ ἐστὶ τοῦ μοναδικοῦ ἐπαγγέλματος τὸ μηδὲν ἔχειν ἐν τῷ βίῳ τοῦτω τὸ σύνολον (греч. 757 стлб.)

се во юсть заповѣдь чернѣцю. юже не ниѣкти на сѣмѣ свѣтѣ отинудѣ ничегоже (Т182, с. 297)

4. поне* бѣ таковою мѣнѣю ра^а дождѣвнѣа потреби сѣж наносить (Соф. 1286, 83 об.)

διὰ χρεῖαν βροχῆς (греч. 816 стлб.)

также бѣ и сию млонию на потребу ѣсть створилъ громови. (Т182, с. 365)

5. послѣ ми оутѣшителя ра^а апѣтъ своихъ (Соф. 1286, 88 л.)

διὰ τῶν ἀποστόλων σου (греч. 825 стлб.)

Этому формальному переводу соответствует более точный в смысловом отношении перевод в древнерусском тексте: послѣ ми оутѣшителя апѣми своимѣ (Т182, с. 376). Конструкция διὰ + Р.п. может передавать значение орудия или средства, и древнерусский переводчик использует соответственно форму творительного падежа ('пошли мне утешителя с помощью твоих апостолов').

V. Genetivus exclamationis

Еще одним синтаксическим гречизмом в тексте южнославянского перевода ЖАЮ является конструкция Genetivus exclamationis или „родительный восклицания“, а также „родительный сетования или удивления“ которая состоит из сочетания восклицательной частицы о, оле (олѣ, оле) или ѡвы с существительным в родительном падеже (греч. ὦ + Gen.).

В греческом языке после восклицательной частицы были возможны Им., Род., Зв., и употребление определенного падежа в восклицательной конструкции зависит от значения данной конструкции¹³. Так, „о звания“ сочетается со Зв. формой, „о сетования и удивления“ в древнейших церковнославянских текстах сочеталось с формой Им. падежа, а в более поздних текстах — с формой Р.п.

1. оле сквернаваго злосѣвѣтѣа (Соф. 1286, 54 об.) — ὦ τῆς τοῦ μαροῦ (греч. 753 стлб.)

2. оле блѣгости вѣтѣа (Соф. 1286, 94 об.) — βαβαί, τῆς τοῦ θεοῦ ἀγαθότητος (греч. 840 стлб.)

Иногда сочетание оле + сущ. в Р.п. встречается в ранних текстах (оле добрыхъ твоихъ подвиговъ — Путятина Минея XI в.)¹⁴, но в основном нормой для текстов раннего периода является употребление частицы оле с Им. и Зв. падежом:

- оле прѣславное чудо (Мин. ноябрь., 1097 г.)¹⁵
- оле чудо вѣсѣхъ чудесъ новѣе (Мин. праздн. XII в.)¹⁶
- олѣ краснѣи органе (Мин. Пут. XI в.)

В более поздних текстах наряду с конструкцией „родительный восклицания“ зафиксировано употребление частицы оле с дательным падежом, который, как известно, соотносится с греческим родительным: оле намѣ страннымъ (Странникъ Стефана Новгородца, после 1347 г.)¹⁷. Данная конструкция встречается в двух случаях и в тексте южнославянского перевода ЖАЮ:

1. оле стоуднѣишемоу прои҃шелоу и л҃зкѣи совѣсти (Соф. 1286, 72 л.) — ὡ τῆς μαρᾶς προαιρέσεως καὶ ψυχρᾶς συνειδήσεως (греч. 789 стлб.)

2. оле чюдеси (Соф. 1286, 109 об.) — βαβαί! (греч. 881 стлб.) βαβαί! (Мон. gr. 552, стр. 615)

Учитывая то, что в разное время по-разному оформляются конструкции с восклицательной частицей оле, можно говорить о движении нормы от текстов XI в., для которых в основном характерно употребление „старой“ модели оле + И.п., оле + Зв.ф., к текстам XIII — XIV вв., в которых используется „новая“, буквально передающая греческий оригинал модель оле + Р.п., оле + Д.п.

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. Для раннего древнерусского перевода характерна существенная адаптация церковнославянского к живому языку. А для более позднего южнославянского перевода, наоборот, характерно последовательное калькирование греческого оригинала и отталкивание от живого языка в области синтаксиса.

2. Разные способы передачи греческого субстантивированного инфинитива показывают, что южнославянский перевод стремится к формальной унификации средств выражения, а древнерусский, наоборот, характеризуется разнообразием при передаче смыслового содержания.

3. При переводе греческого артикля в тексте южнославянского перевода ЖАЮ в именных конструкциях иногда не соблюдается согласование по роду и числу между относительным местоимением и именем. В этом случае наблюдается тенденция к употреблению в качестве обобщенной формы относительного местоимения *иже*.

4. Для передачи греческого субстантивированного инфинитива используется в основном относительное местоимение *еже*, которое лишь в редких случаях конкурирует с *иже*: и идѣ къ подвѣннѣи мнѣ нищѣи мѣ *иже* спасти сѧ (Соф. 1286, 13 об.) — ἃ πρὸς τὸν οὐρανὸν πρὸς τοὺς ὁμοίους μου πένητας σωθῆναι (греч. 661 стлб.)

5. Синтаксические особенности в южнославянском переводе ЖАЮ вводят этот текст в круг церковнославянских текстов XIV вв., подвергшихся влиянию реформы Евфимия Тырновского. Для более точной оценки текста необходимо дальнейшее детальное изучение всех языковых особенностей южнославянского перевода ЖАЮ.

БЕЛЕЖКИ

¹ Иванова-Мирчева Д. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века — Старобългаристика, 1977, № 1, с. 40.

² Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России — Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике, М., 1960, с. 98—99;

Минчева А. Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на среднобългарския литературен език през XIV век. — Славянская филология, т. 1, XV, Езикознание, с. 245—247.

³ Харалампиев И. За членните форми в езика на писателите от Евтимиевата Търновска книжовна школа — Български език, 1992, кн. 4.; Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в., изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Чешко Е., Князевская, ч. 1., София, 1989.

Минчева А. Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на среднобългарския литературен език през XIV век. — Славянская филология, т. 1, XV, Езикознание, с. 245—247.

⁴ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности, М., 2000, с. 16—17.

⁵ Описание рукописи см. в: Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности.

⁶ Молдован А. М., цит. работа, с. 159—450

⁷ TRADITIO CATHOICA, SÆCULUM X, ANNI 925—956, ELENCHUS, AUCTORUM ET OPERUM QUI IN HOC TOMO CXI CONTINENTUR, reprint by Vrepols, Turnhout (Belgium), 1976.

⁸ Молдован А. М., цит. работа, с. 452—630

⁹ Kurz J. Kapytoly ze syntaxe a morfologie staroslovenskeho jazyka, Praha, 1972, с. 165;

Карамфилова Петя Динева. Средства за изразяване на определеност в езика на писателите от Търновската книжовна школа. Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен „доктор“, Велико Търново, 1999, с. 13.

¹⁰ Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в., изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Чешко Е., Князевская, ч. 1., София, 1989, с. 71.

И. Карачорова Първият славянски превод на житието на св. Йоан Златоуст от Симеон Метафраст — Преводите през XIV столетие на Балканите, София, 2004, с. 447.

¹¹ Т. Славова „Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод“ — Кирило-методиевски студии, София, 1989, кн. 6, № 1, с. 15—130.

¹² Русек Й. Из лексикалните особености на езика на Евтимиевите ученици и последователи — Търновска книжовна школа, 2, Ученици и последователи на Евтимий Търновски, София, 1980, с. 293.

¹³ Успенский Б. А. История русского литературного языка, М., 2002, с. 321.

¹⁴ Срезневский И. И. Словарь русского языка, т. 2, ч. 1, с. 658.

¹⁵ Словарь русского языка XI — XVII вв., т. 12, с. 355.

¹⁶ Срезневский И. И. Словарь русского языка, т. 2, ч. 1, с. 658.

¹⁷ Срезневский И. И. Словарь русского языка, т. 2, ч. 1, с. 658.